

ГОСТИ
ФЕСТИВАЛЯ

ПРЕКРАСНОЕ ИСКУССТВО — ПЕНИЕ

Имя народного артиста СССР, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, солиста Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова Бориса Штоколова широко известно в нашей стране. В репертуаре артиста — ведущие басовые партии в классических и современных советских операх. Певец получил признание и как один из лучших исполнителей русских романсов и песен.

Четыре года назад Борис Штоколов впервые выступал в Смоленске, и тысячи смолян непосредственно познакомились с творчеством певца, чье имя стоит в ряду лучших артистов мира. И вот новая волнующая встреча. На этот раз Борис Штоколов приехал в наш город, чтобы принять участие в юбилейном XXV музыкальном фестивале имени М. И. Глинки.

Предлагаем вниманию читателей беседу нашего корреспондента с Борисом Штоколовым.

— Борис Тимофеевич, в чем заключается суть оперного искусства, какие компоненты в творчестве оперного певца, на ваш взгляд, являются основными?

— Стержнем и основой оперного искусства является пение. Это мое твердое убеждение. Так считали и величайшие певцы прошлого Шаляпин, Карузо, Нежданова, Собинов. Это самое сложное искусство — пение и самое прекрасное искусство — пение. Сегодня у нас большинство оперных театров забывают об этом и часто режиссеры увлекаются внешними эффектами, сложными мизансценами, сверхоригинальными приемами, одним словом, «самовыражаются». Но ничто не может заменить искусство певца. Если в оперном театре нет группы ведущих великолепных вокалистов, то, я думаю, и каждый согласится со мной, такой театр является слабым, творчески несостоятельным.

Мое мнение: в оперном театре нужен голос, голос и еще раз голос! И не только хороший голос. Важно, чтобы этим голосом певец умел владеть. Но и этого мало. Творчество оперного певца должно быть универсально, как универсально само оперное искусство, которое вобрало в себя почти все музы, существующие на земном шаре. На оперной сцене соединяются вокальная и инструментальная музыка, поэзия, драматургия, изобразительное искусство, часто — хореография. Здесь уживаются рядышком высокая трагедия и непритязательная комедия, драма и лирика, а искусство певца нерасторжимо с искусством актера. Так что диапазон оперного искусства безграничен. Поэтому ответственность оперного певца, его стремление к совершенству, серьезность его работы тоже безграничны.

— Какие партии оперного репертуара более всего Вас привлекают, приносят нам-

большее творческое удовлетворение?

— Я пою практически весь басовый репертуар мировой вокальной литературы, и мне трудно отдать предпочтение какой-нибудь отдельной партии. Каждая роль выстрадана, каждой принадлежит частица моей души. Но есть такие партии, которые требуют работы над ними всю жизнь и, могу совершенно точно сказать, — и всей жизни. Даже сам Шаляпин сказал о такой партии, как Мефистофель, что он, пропев ее всю жизнь, ни разу не был удовлетворен исполнением партии. И я его прекрасно понимаю, потому что это не бытовая роль, в ней заключена философская концепция, жизни.

Образ Мефистофеля — это дух отрицания, который существует в каждом человеке рядом с положительным, добродетельным началом, то есть второе «я» человека. Это чрезвычайно сложный образ, сотканный как бы из художественной интуиции, так же, как, я считаю,

и образ Фауста. Так что есть такие роли, которые затрагивают усилия всей жизни, но певец может остаться неудовлетворенным. В то же время работа над ними доставляет истинное творческое наслаждение.

Я люблю характеры крупные, сильные, ищу в них черты наиболее выразительные. Таков Борис Годунов. Это трагический образ, чтобы воплотить его на сцене, нужно быть в какой-то мере трагиком, быть на большой высоте драматического искусства. И нужно сочетать это все через голос, через пение. Поэтому каждая фраза, каждое слово репетируется тщательнейшим образом для того, чтобы вложить в пение большой смысл.

Таков Иван Сусанин. Также величайший трагический образ. И сколько я его ни пою, в этом все время убеждаюсь. Вспомните знаменитую арию Сусанина. Она не может исполняться как ария, это вопль души. В нем и

страх, и отчаяние, и мужество, и любовь к жизни. Человек идет на гибель сознательно, но все его естество протестует против смерти, и он обращается к богу, чтобы он дал ему силы принять эту страшную смерть. Глинка в этой арии и выразил эти глубокие человеческие переживания. Но как часто певцы этого не понимают, они просто расппевают арию, как красивую мелодию, и все. А ведь Глинка, когда написал арию Сусанина, сам плакал. Он был тронут, ему было жалко своего героя, которого он сам же и создал. Так же, как плакал Рафаэль, нарисовав знаменитую Сикстинскую мадонну.

— Вы много выступаете с сольными концертами, причем с самыми разнообразными программами. Что заставляет Вас, оперного певца, искать встречи со слушателями вне стен театра?

— Я люблю концертировать. Это расширяет мои творческие границы. В опере певец

всегда связан с дирижером, с партнерами по сцене. Свою индивидуальность он обязан подчинить общему замыслу спектакля, стать исполнителем чужой воли. К тому же оперный репертуар ограничен. Поэтому, когда поешь один в концертном зале, то поешь, что хочешь, как хочешь, как ты понимаешь, как тебе нравится, как ты чувствуешь. И никто тебе не мешает. Поэтому я люблю выступать с сольными концертами и пою только то, что мне нравится самому прежде всего.

— Известно, что как бы благополучно ни складывалась творческая судьба настоящего артиста, писателя, художника, в нем всегда живет святое чувство недовольства собой, ибо нет предела совершенству. Знакомо ли Вам это чувство и в чем конкретно оно выражается?

— Мне хочется научиться петь еще лучше, чем я умею. Я не удовлетворен тем, как владею звуком, но я продолжаю работать над собой и живу с верой, что через несколько лет голос будет подчиняться мне лучше, чем се-

годня. Главным для себя считаю, не что петь, а как петь. Великолепным голосом можно петь вообще на одной ноте, и все равно зал с удовольствием будет слушать этот звук; и отвратительным пением и безобразным звуком можно петь самые гениальные произведения мира, но они никому не будут нужны. Поэтому я работаю сейчас над качеством звука, над тем, чтобы голос более свободно подчинялся мне, не зажимался, чтобы не было такого ужасного горлового форсирования, какое наблюдается сейчас у большинства певцов. Я мечтаю владеть голосом в полном диапазоне легко и непринужденно. И всегда испытываю огромную радость, когда чувствую, что нота, которая долго мне не давалась, вдруг зазвучала широко и свободно.

Один из величайших певцов прошлого, знаменитый итальянский баритон Каттонни сказал, что певцу нужно две жизни: одна жизнь для того, чтобы научиться владеть голосом, а другая — чтобы петь.

Вел беседу В. МОСКАЛЕВ.